

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2022. Том 26, № 4
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья

УДК 821.161.1.09"19"

ББК 83.3(2Рос=Рус)5

DOI 10.18522/1995-0640-2022-4-102-118

ИДЕЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В РОМАНАХ И. С. ТУРГЕНЕВА

Валерия Геннадьевна Андреева

Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук, Москва, Россия

Аннотация. Поставлена проблема постижения эпической природы романов И.С. Тургенева, которые в литературоведении считаются максимально емкими, сжатыми, а также насыщенными лиризмом. Отмечается, что обратившийся к модели русского мира в «Записках охотника», с большим трудом нашедший идею эпического синтеза, Тургенев не мог от нее легко отказаться. Доказывается, что уничтоженный писателем роман «Два поколения» был «зерном», из которого выросли далее многие сюжетные линии и мотивы последующих романов писателя, своеобразным послесловием к которым можно считать «Рассказ отца Алексея». Автором статьи анализируются поступки, поведенческие характеристики героев и события, способствующие пониманию масштаба романов писателя, не сводимых только к социально-политической проблематике. В организации эпической доминанты жанра у Тургенева первостепенную роль играют идея преемственности, идея цикличности жизни, ритм произведения, продуманная система героев, повышенная цитатность финалов романов.

Ключевые слова: *Тургенев, роман, эпическая доминанта, преемственность, национальное своеобразие, традиции, система героев, цикличность, религиозное сознание, художественная эволюция*

Для цитирования: *Андреева В.Г. Идея преемственности в романах И.С. Тургенева // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2022. Т.26. № 4. С. 102 – 118.*

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00102

Original article

THE IDEA OF CONTINUITY IN THE NOVELS OF I.S. TURGENEV

Valeria G. Andreeva

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

Abstract: The article poses the problem of comprehending the epic nature of the novels by I.S. Turgenev, which in literary criticism are considered the most capacious, concise, and also saturat-

ed with lyricism. It is noted that Turgenev, who turned to the model of the Russian world in "Notes of a Hunter", found the idea of epic synthesis with great difficulty, could not easily abandon it. It is proved that the novel "Two Generations" destroyed by the writer was a "grain" from which many plot lines and motifs of the subsequent novels of the writer grew, a kind of afterword to which "The Story of Father Alexei" can be considered. The author of the article analyzes the actions, behavioral characteristics of the characters and events that contribute to understanding the scale of the writer's novels, which are not limited to socio-political issues. Turgenev's idea of continuity, the idea of the cyclical nature of life, the rhythm of the work, a well-thought-out system of characters, and an increased citation of the finals of novels play a paramount role in organizing the epic dominant of the genre in Turgenev.

Keywords: *Turgenev, novel, epic dominant, continuity, national identity, traditions, hero system, cyclicity, religious consciousness, artistic evolution*

For citation: *Andreeva V.G. The idea of continuity in the novels of I.S. Turgenev // Proceedings of Southern Federal University. Philology. 2022. Vol. 26. № 4. P. 102-118.*

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 20-012-00102

Введение

В небольших по объему романах И.С. Тургенева, на первый взгляд, вроде бы и нет той эпической монументальности, которая отличает романы И.А. Гончарова или Л.Н. Толстого. Между тем важнейшие идейные и художественные находки Тургенева обуславливают его выход к национальному эпосу. Исследователи творчества Тургенева, как правило, рассуждают о драматических и лирических элементах в его романах, к эпическому началу в произведениях Тургенева ученые выходили только при осмыслении целостности книги «Записки охотника». Лишь в XXI в. появились единичные исследования, в которых обозначается вопрос широты романного творчества Тургенева, укрупнения его художественных миров. С.А. Никольский считает, что все романы Тургенева связаны в единое целое, при этом художественный мир каждого произведения гармонично вписан в общее повествование о России: «Между романами Тургенева несомненно существует внутренняя связь: каждый последующий органично, подробно, полемически продолжает и развивает тематику, идеи предыдущего. Историческая первичность тургеневской романной эпопеи, предваряющая создание национальной картины жизни в "Войне и мире" Л.Н. Толстого, представляется мне фактом бесспорным, хотя до сих пор не замечаемым исследователями тургеневского творчества» [Никольский, 2008, с. 88]. По сути дела, в рассуждениях С.А. Никольского об объединении романов, выстраивании их в определенную линию отчасти «переносится» на романы Тургенева план построения модели русского мира, характерный для «Записок охотника». Конечно, нет никаких оснований говорить о романном цикле Тургенева, но как и между отдельными очерками в «Записках охотника», между шестью романами Тургенева выстраиваются значимые параллели на уровне героев, проблем, основных идей.

Если в романе-эпопее «Война и мир» Толстого мы видим семейные кланы или гнезда – Ростовых, Болконских, Курагиных, то у Тургенева, которому собственно и принадлежит упрочение в художественном творчестве словосочетания «дворянское гнездо», рифмовка образов организуется скорее даже между романами. Большинство читателей произведений Тургенева со-

гласятся с тем, что схожи между собой Лиза Калитина («Дворянское гнездо») и Татьяна Шестова («Дым»), Варвара Павловна («Дворянское гнездо») и Ирина («Дым»), Елена Стахова («Накануне») и Марианна («Новь»). Не менее интересные сходства можно найти и среди героев-мужчин: между Рудиным («Рудин») и Созонтом Потугиным («Дым»), Лаврецким («Дворянское гнездо») и Литвиновым («Дым»), Лежневым («Дворянское гнездо») и Соломиным («Новь») – ряд этот можно продолжать, выстраивая не только пары, но и цепочки, «гнезда» героев, объединяемых по внутреннему сходству.

Главная причина игнорирования исследователями эпической доминанты романов Тургенева на протяжении длительного времени была связана с идеологией, выдвиганием вперед героев-революционеров. Потребностью колоритного изображения «передовых людей» нередко объясняли и однолинейные сюжеты Тургенева, по словам А. Г. Цейтлина, необходимые писателю, «чтобы возможно полнее осуществить идейный замысел своих романов»: «Показывая развитие передового русского общества, Тургенев ограничивается наименее сложной структурой сюжета» [Цейтлин, 1958, с. 259]. Еще одной причиной не всегда правильно расставленных акцентов в романах Тургенева является осмысление испытания любовью для героя как основного, изменяющего его мировоззрение. На самом деле, любовь в значительной степени влияет на героев Тургенева, но она лишь доводит до максимальных степеней положительные и отрицательные стороны персонажей.

Немаловажной причиной, не способствовавшей пониманию масштабности проблем, поставленных в романах, является то, что у Тургенева выход на «просторы большой жизни» из достаточно узкого и яркого противостояния нескольких героев совершается лишь к финалу. Часто невозможно ранее заключительных страниц произведения выйти к обобщениям, оценить не только страдающих и бунтующих героев, но и второстепенных персонажей, составляющих своеобразный фон, а при этом являющихся эпическими, могущими отказаться от высот и славы ради закономерного течения жизни. Сложно согласиться с впечатлением Ю.И. Айхенвальда по поводу рассуждений о пристрастной завершенности всех линий в романах Тургенева, стремлении писателя поставить неизменную точку в судьбе каждого героя [Айхенвальд, 1908, с. 137]. Именно к финалу романов, к моменту разрешения самого яркого конфликта, читатель осознает цикличность жизни. Завершенность круга, по которому проводит читателя Тургенев, не означает его изолированности, а подразумевает дальнейший повтор и движение. И.А. Беляева считает, что тургеневские финалы «фокусируют момент, где самой жизнью предполагается особая сложность» [Беляева, 2021, с. 50]. Исследовательница пишет, что в структуре романного эпилога Тургенева «чужие слова» работают на «перепрочтение», порой даже и полемическое, той проблемной событийности, что организовывала романский сюжет» [Беляева, 2021, с. 50]. В повышенной цитатности финалов тургеневских романов видится нам еще одна особенность эпической доминанты жанра – выход к вечным темам и диалогу с предшественниками. Обращение к цитатам помогает Тургеневу «вписать» свой роман в жизнь, в большое эпическое время.

Игнорирование общей эпической доминанты в романах Тургенева связано и с попытками литературоведов указать индивидуальные особенности романов Тургенева в контексте истории русской литературы второй половины XIX в. И.А. Семухина, обращаясь к проблеме поэтики и типологии жанра романа Тургенева, отмечает, что «тургеневедение лишь констатирует постановку вопроса о типологическом прочтении тургеневского романа». Со ссылками на труды Ю.М. Лотмана исследовательница отмечает, что романистика Тургенева идет в ином русле, нежели ведущие тенденции русского романа XIX в. [Семухина, 2013, с. 71]. По нашему мнению, уникальность романов Тургенева можно и нужно оценивать с позиции своеобразия выхода писателя к эпическим обобщениям. Г.М. Ребель приводит около двадцати «разных жанроопределений», данных романам писателя и отмечает: «С каждым из этих определений в отдельности и со всеми вместе в принципе можно согласиться, но проблема в том, что они в большинстве своем не носят инструментального, жанроворазличительного характера, ибо почти под каждое из них можно подставить романы других авторов, принципиально отличные от той жанровой модификации, которая создана Тургеньевым» [Ребель, 2018, с. 108].

Ни в коей мере не отрицая существующих жанровых классификаций романов Тургенева, в данной статье мы попытаемся показать выход писателя к национальному эпосу, «укрупнение» его романа до эпического, характерное для творчества русских классиков второй половины XIX в. Однако в рассуждениях о тургеневском эпосе невозможно обойти вопрос об оригинальности (жанровой, композиционной, идейной и пр.) его романов, поскольку необходимо объяснить кажущееся внешнее противоречие, согласно которому лиричные и краткие романы Тургенева являются эпическими по своей сути, формирующими незыблемые духовно-нравственные ценности православного мира. И тут, конечно, сложно не согласиться с Г.М. Ребель, называющей жанровую модификацию романа Тургенева идеологический роман-как-жизнь [Ребель, 2018, с. 135]. Эпическая широта романов Тургенева во многом связана с *идеей преемственности*, явленной, в частности, в виде возможности гармоничного общения поколений, творческого и деятельного освоения культурного, духовного и, наконец, даже материального наследия, его сохранения и умножения.

Исследование и результаты

Аналитическое обозрение огромного количества научных материалов, которыми располагает тургеневедение, позволяет сделать вывод о том, что идее преемственности и теме поколений в художественных мирах писателя уделено большое внимание. Но при этом рассмотренные с достаточно узких и пристрастных позиций, как правило, исключительно с точки зрения исторической необходимости героя и его предназначения (но не как личности, а как социального типа), они до сих пор не осмыслены в науке. Такой явный и досадный пробел вызван *идеологическим креном*, обусловившим однобокое понимание многих произведений не только в советскую эпоху, но гораздо раньше, начиная с критики В.Г. Белинского и его последователей. Поколения

у Тургенева большинством критиков рассматривались в социально-историческом аспекте. А.И. Батюто писал: «Тема двух поколений, предопределившая сюжет романа “Отцы и дети”, была подсказана Тургеневу ожесточенной идеологической борьбой между либералами и демократами, которая развернулась в период подготовки крестьянской реформы» [Батюто, 1972, с. 13].

Собственно и либеральная критика ничего не могла противопоставить радикальной – Тургенева оценивали как западника, космополита, романы его рассматривали исключительно с позиции настоящего, буквально текущего дня, но не с точки зрения вечности. Можно сказать, что сам Тургенев подал тут литераторам, а потом и ученым повод к таким «сиюминутным», «насущным» оценкам его романов тем, что не просто улавливал, а иногда даже предугадывал только появляющиеся в жизни характеры и типы.

Самого Тургенева нередко сравнивали с его героями-западниками – Павлом Петровичем Кирсановым или Созонтом Ивановичем Потугиным. Если на основании биографии Тургенева и его писем друзьям можно сделать выводы об исключительном европеизме писателя, то всё его художественное творчество показывает, что при тяге к эстетике и страстных чаяниях цивилизации, при длительном отсутствии на родине Тургенев оставался не просто патриотом, но всей душой болел за Россию. Признавая в Тургеневе истинный тип «русского европейца» – человека, сочетающего западничество и русскость, В.А. Доманский и О.Б. Кафанова тем не менее оговариваются, что «в художественном творчестве писателя концепция европеизма и русскости воплощена, разумеется, не так конкретно, определено и полно, как в его личном поведении, переводческой и культурно-просветительской деятельности» [Доманский, Кафанова, 2019, с. 14]. По нашему мнению, в художественном творчестве Тургенев преодолевал крайности западничества, вызванные острой реакцией на происходящие на Родине несправедливости. В письмах и статьях Тургенев нередко говорит о лучших западных образцах, неведомых русским людям порядке, благоустроенности, но это не означает отвержения писателем национального. Постоянно споривший с концепцией славянофилов в жизни, в художественных мирах романов Тургенев склоняется в сторону противоположного лагеря: идея всемирно-исторической преемственности, отсталости России и ее необходимости следовать за Европой уходит на второй план, уступая место проблеме национальной преемственности, выявления лучших сторон русской действительности и их упрочнения.

Приведем лишь несколько примеров из разных романов Тургенева, доказывающих авторское ироническое и вместе с тем жалостливое отношение к героям-изгнанникам. В романе «Рудин» всё достаточно прозрачно, и исследователи уже не раз останавливались на фигуре Рудина как «бесприютного скитальца» – так сам писатель называет своего героя в финале [Тургенев, 1878–2018, т. 5, с. 322]. Однако значимо и символично описание гибели Рудина на *баррикадах в Париже*. Тургенев намеренно не называет сначала имени Рудина, описывая его как «высокого человека в старом сюртуке, подпоясанном старым шарфом, и соломенной шляпе на седых растрепанных воло-

сах». Этот человек падает замертво, погибая от выстрела венсенского стрелка. На чужой земле Рудин остается неопознанным. «Поляка убили», – говорит о нем один из повстанцев [Тургенев, 1878–2018, т. 5, с. 322].

Исследователи воспринимают фигуру музыканта Лемма, героя романа «Дворянское гнездо», в романтическом ореоле, отмечая его функцию в романе – сопровождать историю любви, однако игнорируют еще одно значение этого образа: судьба Лемма может и должна быть сопоставлена с судьбой Лаврецкого, причем автор даже подталкивает нас к этому сопоставлению: оба героя влюблены в молодую Калитину, ведь это именно она, Лиза, лучшая ученица Лемма, «умела его расшевелить» [Тургенев, 1878–2018, т. 5, с. 20]. Но еще примечательнее, что Лаврецкий, имея и свободу, и состояние, по своей воле вступает в жизни на путь Лемма – скитальца, покинувшего родную для него Германию и всю жизнь вынужденного тосковать по Родине. Тургенев не раз подчеркивает ненависть Лемма к России – а ввиду этого чувства читатель должен постоянно сомневаться и в искренности отношения музыканта к Лизе и Лаврецкому.

В судьбе Лаврецкого роковую роль играет отпадение от своего предназначения, от выполнения функции восстановления родового единства. Тургенев показывает приобретенную нерусскость, инаковость Лаврецкого. Возвращающийся в Васильевское герой думает отнюдь не о русской истории, в его сознании собственное прошлое переходит в размышления о британском государственном деятеле, потом – об истории Франции: «Лаврецкий, Бог знает почему, стал думать о Роберте Пиле... о французской истории... о том, как бы он выиграл сражение, если б он был генералом...» [Тургенев, 1878–2018, т. 6, с. 60]. Претендуя на исключительного героя, Лаврецкий лишен мысли о преемственности, требующей самоотречения.

С таким трудом нашедший идею эпического синтеза в «Записках охотника», Тургенев не мог от нее легко отказаться. Не обращая должного внимания на тему поколений в ее глубинном значении, исследователи фактически не связывают с дальнейшим творчеством писателя его первую романную задумку, реализованную в тексте «Двух поколений». Между тем, внимательный взгляд на план произведения Тургенева, примерное аналитическое воссоздание его замысла позволяют сделать вывод о единой идейной линии, явленной во всех романах Тургенева. Конечно, с большой долей условности, но можно сказать о том, что уничтоженный Тургеневым роман «Два поколения» был своеобразным «зерном», из которого выросли далее многие сюжетные линии и мотивы последующих романов писателя.

Эту гипотезу подтверждает, во-первых, достаточная широта замысла Тургенева, к тому времени уже большого писателя. По замечанию Б.В. Богданова, «...к работе над романом Тургенев приступил уже обогащенный опытом “Записок охотника”, в основе которых была оптимистическая уверенность в великом будущем своего народа» [Богданов, 1992, с. 25]. Во-вторых, план романа, отрывок из него и обзорно восстанавливаемое исследователями содержание произведения позволяют увидеть ряд важнейших мотивов и образов, которые в дальнейшем эволюционируют в романном творчестве Тургенева. Также можно предположить, что *послесловием ко всем*

романам Тургенева, еще раз объясняющим читателю ключевую идею преемственности, стал «Рассказ отца Алексея» (1877), опубликованный во время острой полемики, развернувшейся по поводу его последнего романа «Новь».

А. Мазон подчеркивает, что замысел, связанный с «Двумя поколениями», в течение почти шести лет (1850–1855) «занимал видное место среди других планов Тургенева», и даже считает это время пограничной полосой между двумя этапами творчества писателя [Мазон, 1964, с. 40]. Текст романа «Два поколения» до нас не дошел, он был уничтожен Тургеневым в начале 1857 г. в числе ряда других рукописей после творческого кризиса. Однако сохранился план романа, а также отрывок под названием «Собственная господская контора», опубликованный в журнале «Московский вестник» № 1 за 1859 г. и имеющий подзаголовок «Отрывок из неизданного романа».

По сохранившемуся плану, а также письмам Тургенева друзьям и их ответным посланиям исследователи описывают приблизительный сюжет произведения: «Тургенев собирался изобразить тяжелое положение бедной девушки – лектрисы Елизаветы Михайловны в доме богатой помещицы Гагиной. ... Поочередно Елизавета Михайловна становится жертвой то ненависти со стороны приживалки Халабанской, то грубости Дмитрия Петровича, влюбленного в нее, но поверившего наглым наветам Чермака о ее двойной игре, интриганстве. В результате доноса... Елизавета Михайловна должна покинуть дом Гагиной и уехать в Москву. Там ее отыскивают сначала Дмитрий Петрович, затем Василий Васильевич, также влюбленный в нее. Глафиры Ивановны в это время уже нет в живых, но бывшая лектриса отвергает обоих претендентов на ее руку» [Тургенев, 1878–2018, т. 5, с. 528].

Сложно говорить о каких-либо конкретных переключках между несохранившимся романом «Два поколения» и последующими произведениями Тургенева, однако главную героиню романа «Дворянское гнездо» будут звать так же, как и лектрису в «Двух поколениях» – Елизавета Михайловна. А судя по отзывам знакомых Тургенева, которые читали роман «Два поколения» (П.В. Анненкова, В.П. Боткина, С.Т. и К.С. Аксаковых и др.), более всего возмущали их в тексте слабая прорисованность некоторых персонажей и длинноты в биографических описаниях. В повестях Тургенева этих пространных биографий почти не было, появляются они в романах, в виде как предисловных историй героев, рассказанных повествователем, так и монологических высказываний второстепенных персонажей о главных (к примеру, рассказ Лежнева о Рудине). Современники Тургенева не поняли истинной функции этих историй героев со значительными отступлениями в прошлое. По-видимому, уже в «Двух поколениях» Тургенев предполагал укрупнение, расширение романа за счет описания жизни рода. Ю.В. Лебедев пишет: «Лаврецкий входит в роман не один: за ним тянется предыстория целого дворянского рода», которая «укрупняет проблематику, создает необходимый эпический фон. Речь идет не только о личной судьбе Лаврецкого, а об исторических судьбах целого сословия, последним отпрыском которого является герой» [Лебедев, 2006, с. 361].

Н.М. Гутьяр по поводу «Двух поколений» отмечает, что Тургенев бросил все предыдущие замыслы и взялся «за совершенно новую для себя работу –

создание большого романа “все стихии которого давно бродили в нем” и ждали лишь подходящего настроения у автора, чтобы вылиться в необходимые формы» [Гутьяр, 1907, с. 156]. По нашему мнению, замысел романа «Два поколения» остался непонятым большинству исследователей, проводящих резкую черту между этим несохранившимся произведением и последующими романами Тургенева, оценивавших его не столько в проекции всех шести позднее написанных романов Тургенева, сколько в свете проблемы столкновения поколений, реализованной в романе «Отцы и дети», однако не в тургеневском ее понимании, а в интерпретации революционно-демократической и советской критики. Два поколения в романе «Отцы и дети» на протяжении всего XX в. стандартно истолковывали как два непримиримых враждующих стана, рассматривая столкновения эстета и сибарита, западника Павла Петровича Кирсанова и нигилиста Базарова. «Что же означает заглавие “Два поколения”, которое писатель не менял с того самого дня, когда решил писать вместо задуманной комедии роман? Это заглавие многообещающее, но, по правде сказать, не обоснованное. Нельзя видеть в нем прообраз замысла крупнейшего тургеневского романа “Отцы и дети”. Это значило бы для писателя опередить эпоху на целое десятилетие. Идейное разногласие двух поколений не чувствуется ни в “Рудине”, ни в “Дворянском гнезде”, ни в “Накануне”, – пишет А. Мазон [Мазон, 1964, с. 42]. Но название «Два поколения» нельзя считать необоснованным, в нем можно разглядеть уже идею преемственности, которая станет ключевой в романах Тургенева.

В литературоведении немало написано о двойственности Рудина, но важно еще ключевое различие, связанное как раз с идеей преемственности и сыновьего долга. Играя перед Натальей, Рудин заявляет ей, что хочет быть полезным. При этом главный камень преткновения, по словам героя, – найти единомышленников, *последовавших бы за ним*: «Если б даже было во мне твердое убеждение: как я могу быть полезным – если б я даже верил в свои силы, – где найти искренние, сочувствующие души?..» [Тургенев, 1878–2018, т. 5, с. 242]. Однако сам Рудин в главных и ключевых моментах своей жизни одинок, в романе он предает и собственную мать, и Наталью, и Родину – не готов он к служению. Еще раз обратимся к описанию смерти героя: «Высокий человек выронил знамя – и, как мешок, повалился лицом вниз, *точно в ноги кому-то поклонился*» (курсив мой. – В. А.) [Там же, с. 322]. Сравнение «как мешок» не может не напомнить читателю Михаила Михайловича Лежнева, которого автор не раз в романе сопоставляет с мешком. В жизни полный антипод Лежнева, не случайно после смерти Рудин сравнивается с мешком: герою не хватало укорененности на своей земле и веры. Сравнение «точно в ноги кому-то поклонился» напоминает о необходимости смирения и поклонения Богу. Рудин, погибший на французских баррикадах, к сожалению, почти не русский герой, но в художественном мире романа правда утверждает, помимо этого героя-отступника – поклон в ноги, земной поклон ассоциируется в нашем представлении или с поклоном матери (к которой Рудин был равнодушен) или с поклоном Богу. Собственно отношение к матери Рудина лучше всего характеризует его как чужого, человека, оторвавшегося от рода. Вот что Лежнев рассказывает о Рудине: «Из-за границы Рудин писал к своей

матери чрезвычайно редко и посетил ее всего один раз, дней на десять... Старушка и скончалась без него, на чужих руках, но до самой смерти не спускала глаз с его портрета. ... Она любила своего Митю без памяти» [Тургенев, 1878–2018, т. 5, с. 245]. Рудин не способен к поклону матери, поклону Богу при жизни, и только смерть, как показывает Тургенев, вынуждает его поклониться.

В романе «Дворянское гнездо» на первый план выступает череда родовых ошибок, сыгравших злую шутку с Лаврецким и Лизой. Уже из описания истории Марьи Дмитриевны Калитиной читатель узнает, что в юности она наследовала родовое имение Покровское, которое сразу же после ее замужества «было променено на другое имение, гораздо более доходное, но некрасивое и без усадьбы...» [Тургенев, 1878–2018, т. 6, с. 7]. Забота о прибыли, вытесняющая духовные ценности, не проходит для героев бесследно. Лаврецкий возвращается из Европы в совершенно помутненном сознании. Не случайно он игнорирует имение Лаврики, свой большой фамильный дом и отправляется в Васильевское: «Да... но и в той деревушке есть флигелек; а мне пока больше ничего не нужно. Это место – для меня теперь самое удобное» [Тургенев, 1878–2018, т. 6, с. 25]. Если бы Лаврецкий не был единственным потомком знатного дворянского рода, можно было бы простить эгоизм героя и на основании вышеприведенной цитаты говорить о его самоограничении. Но писатель подчеркивает, что Лаврецкий думает об удобстве – иначе и быть не могло после его жизни в Париже с Варварой Павловной, променявшей «дворянское гнездо» на милое «гнездышко».

Неудачная женитьба Лаврецкого становится причиной прекращения нормального хозяйствования в его владениях, организованного теткой. Атака расчетливой эгоистки Варвары Павловны ведется не только против Лаврецкого, но против всей его семьи. Проклятье тетки, смерть маленького сына, предательство жены, отсутствие веры, о которой скажет Лаврецкому его друг Михалевич – всё это обнажает отсутствие в самом Лаврецком преемственности лучшим родовым качествам. Е.Н. Разумова делает акцент на значимости проклятия, прозвучавшего внутри рода, оборвавшего мысль о преемственности: «Это роковое проклятье является, по сути, родовым, поскольку исходит из того же “гнезда”, которое сформировало Лаврецкого, и не нарушает, а, напротив, лишь обнажает свойственный самому “гнезду” внутренний диссонанс, противоречие, являющееся истоком и движением, и трагической неразрешимости конфликта, организующего сюжет» [Разумова, 2010, с. 54].

Проблему передачи найденных смыслов следующим поколениям поднимает при анализе романа «Дворянское гнездо» В.М. Маркович. Ученый отмечает, что «обретенное Лизой и Лаврецким духовное богатство, по мысли Тургенева, оказывается не нужным для решения новых исторических задач и не может быть передано другому поколению. И даже самим героям оно уже ничего не может дать» [Маркович, 1982, с. 156]. В.М. Маркович рассуждает о том, что преемственность поколений не оборачивается у Тургенева их духовной связью – за устойчивым повторением этого противоречия вырисовывается определенный исторический закон: «...Смысл, однажды обретенный

русской историей, не наследуется последующими ее звеньями, не удерживается и не передается русским обществом от поколения к поколению» [Маркович, 1982, с. 156]. По нашему мнению, решение проблемы у Тургенева иное. За ошибку Лаврецкого, выбравшего женщину не по себе, вынуждены расплачиваться и дорогие ему люди. В том, что герой в финале романа «сделался действительно хорошим хозяином» можно увидеть не столько его заслугу, сколько восстановление разрушенного некогда Варварой Павловной в Лавриках. В финале романа «Дворянское гнездо» драматическое отступает на второй план, уверенно двигаются вперед не отдельные герои, но сама русская жизнь. Драматические герой и героиня (Лаврецкий и Лиза) уступают место героям эпическим, лишенным надрывов и рассуждений о собственной исключительности, но благодаря этому гармонично наследующим ценности рода: «Дом Марьи Дмитриевны не поступил в чужие руки, не вышел из ее рода, гнездо не разорилось...» [Тургенев, 1878–2018, т. 6, с. 154].

Однако после такого оптимистического и эпического финала Тургенев вновь усиливает драматическую линию в романе «Накануне». Инсаров, в планах которого были замыслы эпического масштаба (по освобождению Болгарии), ничего не успевает, совершая лишь героическое освобождение компании отдыхающих от пьяного немца, которого он бросает в воду. Елена Стахова, грезящая мыслью о побеге из дома, где всё совершается словно помимо нее, лишена идеи преемственной связи с родными. «У меня здесь мать, отец, семья. Разве я не люблю их? Нет, я не люблю их так, как бы хотелось любить. Мне страшно вымолвить это, но это правда» [Тургенев, 1878–2018, т. 6, с. 224]. Елена не имеет в России родственных и дружеских связей, организуемых эпический масштаб жизни.

Не раз уже исследователи творчества Тургенева сравнивали Елену с молодой Россией. Героиня склоняется в романе к выбору между двумя мужчинами – ученым Берсеневым и Инсаровым: один из них должен открыть Елене идею преемственности. Берсенева об этой идее знает и ею во многом живет. Ею полно завещание чудаковатого отца Берсенева: «Передаю тебе светоч, – говорил он ему за два часа до смерти, – я держал его, покамест мог, не выпускай и ты сей светоч до конца» [Тургенев, 1878–2018, т. 6, с. 199]. Берсенева не просто умный и благородный человек, он способен к неустанному труду, причем даже сильные личные чувства, бродящие в герое, не способны сбить его с намеченного пути, он *продолжает* то, что оставил *накануне*: «Но тайное и темное чувство скрытно гнездились в его сердце; он грустил нехорошо грустиво. Эта грусть не помешала ему, однако, взяться за “Историю Гогенштауфенов” и начать читать ее с самой той страницы, на которой он остановился накануне» [Тургенев, 1878–2018, т. 6, с. 201]. Но при всех своих способностях Берсенева тратит силы на изучение отнюдь не русской земли и «черноземной почвы», а на исследование династии южногерманских королей.

Не чужда преемственность в своем роде и Шубину, человеку творческому и увлеченному. Но ни Берсенева, ни Шубин не готовы *передать эту идею Елене* потому, что она реализуется в жизни героев вне национальных и народных основ и без искренней веры. Е.М. Коннышев справедливо отмечает,

что самой Елене также чужда религиозная вера: «Именно муки богооставленности побуждают Елену к тому, чтобы далёкая, совершенно неизвестная русской девушке Болгария стала для неё объектом самоотверженного служения» [Коньшев, 2009, с. 21]. Итак, Елена получает идею преемственности от Дмитрия Инсарова и только после его смерти: «Вчера скончался Дмитрий. Все кончено для меня. Сегодня я уезжаю с его телом в Зару. Я его схороню, и что со мной будет, не знаю! Но уже мне нет другой родины, кроме родины Д. Там готовится восстание, собираются на войну; я пойду в сестры милосердия; буду ходить за больными, ранеными. Я не знаю, что со мной будет, но я и после смерти Д. останусь верна его памяти, делу всей его жизни» [Тургенев, 1878–2018, т. 6, с. 298]. Не случайно Елене представляется путь вслед за Инсаровым: дело мужа, война и работа сестрой милосердия должны вывести ее к потерянной вере, к которой в домашнем окружении в России она бы выйти не смогла.

Большинство признанных тургеневедов XX в. оценивали Базарова как «моральную мощь», нового человека, «реальную силу». По мнению Г.А. Бялого, фигура Базарова настолько колоритна, что на его фоне все прочие герои выглядят буквально жалкими: «В расстановке социальных сил, представленных в романе, Базаров является силой единственно реальной, не имеющей себе сколько-нибудь значительного противовеса» [Бялый, 1990, с. 156]. В конце XX – начале XXI в. ученые показали, что, несмотря на разницу поколений, основная проблема в романе «Отцы и дети» заключается в оценке сходства и родовой преемственности героев. С.А. Никольский провел параллели между отцами и сыновьями в художественном мире романа с точки зрения продолжения дела жизни, честной службы [Никольский, 2008, с. 88].

Обратим внимание, что в финале романа его название – «Отцы и дети» – приобретает еще одну реализацию. «Кирсановы, отец с сыном, поселились в Марьине. Дела их начинают поправляться» [Тургенев, 1878–2018, т. 7, с. 186]. Еще в самом начале романа Аркадий убеждал отца в том, что «это всё равно, где бы человек ни родился» [Тургенев, 1878–2018, т. 7, с. 14], а тут оба все-таки объединяются в родовом имении. «У Катерины Сергеевны родился сын Коля, а Митя уже бегаёт молодцом и болтает речисто» [Тургенев, 1878–2018, т. 7, с. 186]. Перед нами не два поколения, а три, уже Аркадий стал отцом, и перед читателем, действительно, предстают два отца и три сына, которых в их единстве и согласной жизни можно назвать «отцами и детьми».

Выигрывают в романе те герои, которые сохраняют духовные связи с предками, с родителями, не считают их пережитком прошлого. Юная Фенечка после смерти матери остается сиротой, но выручает героиню преемственность, придающая особый смысл жизни героини: «Куда было деваться Фенечке? Она наследовала от своей матери любовь к порядку, рассудительность, и степенность...» (курсив мой – В. А.) [Тургенев, 1878–2018, т. 7, с. 40].

Тургенев взвешивает каждого героя на основании его способности продолжать дело отцов: и прежде всего, смысл преемственности, а не идея противостояния вложены в название романа. И Аркадий, и Базаров в данном случае (продолжения дела отцов) вполне положительные герои, вот только последний, как справедливо замечает С.А. Никольский, заболевает нигилизм-

мом. Отец Базарова более всего в жизни желает процветания и успехов своему сыну: «...Я горжусь им, и всё мое честолюбие состоит в том, чтобы со временем в его биографии стояли следующие слова: “Сын простого штаб-лекаря, который, однако, рано умел разгадать его и ничего не жалел для его воспитания...”» [Тургенев, 1878–2018, т. 7, с. 116].

В романе ярко представлена проблема искаженного человеческого сознания: воспитанный чуткими и верующими людьми, Базаров изменяет самому себе, выстраивая линию поведения «нового человека». От главы к главе нарастает в романе ощущение пренебрежения Базарова к вере и родителям, хотя Тургенев дает читателю возможность понять, что до этого герой был иным: «Поздравь меня, – воскликнул вдруг Базаров, – сегодня 22-е июня, день моего ангела. Посмотрим, как-то он обо мне печется. Сегодня меня дома ждут, – прибавил он, понизив голос... – Ну, подождут, что за важность!» [Тургенев, 1878–2018, т. 7, с. 75].

Мотив предательства истинных православных ценностей, намеченный в «Отцах и детях», Тургенев еще раз обозначит в «Рассказе отца Алексея», проясняющем многие причины поступков героев во всех романах писателя. Глубинный контраст двух станов в романе «Отцы и дети» обусловлен не спором поколений или классов, но столкновением православных ценностей и безверия, которое в нигилизме находит лишь одно из ярких своих проявлений. Точно и пронизательно, но очень емко в художественном творчестве Тургенев выходит к этим проблемам. Несмотря на тот факт, что глубоко верующую героиню, Лизу Калитину, жизнь которой тесно связана с Церковью, мы видим у Тургенева только в «Дворянском гнезде», проблема преемственности во всех его романах связана с выходом к народной теме и вере.

В горячих спорах Павла Петровича и Базарова оба героя сходятся только во мнении о русском народе (и, как получается, констатируют общую беду, характерную для них обоих):

«– Нет, нет! – воскликнул с внезапным порывом Павел Петрович, – я не хочу верить, что вы, господа, точно знаете русский народ, что вы представители его потребностей, его стремлений! Нет, русский народ не такой, каким вы его воображаете. Он свято чтит предания, он – патриархальный, он не может жить без веры...

– Я не стану против этого спорить, – перебил Базаров, – я даже готов согласиться, что в этом вы правы» [Тургенев, 1878–2018, т. 7, с. 49].

«Дым» казался критикам и современникам писателя одним из самых тяжелых и беспросветных его романов, хотя среди всех прочих он лишен трагизма и даже драматические линии, касающиеся судеб героев, в нем приглушены. Литвинов ошибается с выбором женщины (как и некогда Лаврецкий), но вовремя опоминается и возвращается на Родину из задымленной атмосферы Баден-Бадена. Мы уже писали о том, что политические идеи, отмечаемые современниками, сразу после выхода романа заслонили глубинные смыслы, те онтологические начала, которые лежат в его основе, что читатели и критики не сразу увидели важнейшую в романе «Дым» оппозицию жизни и мертвенности, приговор западничеству и великосветской жизни [Андреева, 2020, с. 235]. Литвинов не чувствовал глубокой пропасти между собою и

Ириной, уже в юности соглашавшейся с героем лишь условно, но (как и Варвара Павловна в «Дворянском гнезде») негласно утверждавшей своё (идее преемственности тут места, конечно, не оказывалось): «*“Трудиться?” – подсказывал Литвинов... “Да, трудиться, – повторяла Ирина, – читать... но главное – путешествовать”*» [Тургенев, 1878–2018, т. 7, с. 284]. Путешествие Литвинова в романе затягивается настолько, что читатель уже не надеется увидеть его на родной земле. Но в финале романа Литвинов *склоняет колени* перед своей невестой Татьяной – девушкой великороссийской крови. Герой прозревает и оказывается способным на то преклонение, которого не знал Рудин.

Одна из главных проблем Нежданова – главного героя романа «Новь» – заключается в его лихорадочности и непоследовательности. Н.В. Николаенко отметил, что в родовом аспекте с представлением о неправильном, странном движении связывается у Тургенева мотив «вывихнутости», относимый прежде всего к Лаврецкому, Нежданову и Марианне [Николаенко, 2009, с. 77]. «Вывихнутые» герои «Нови» стали такими не только в силу происхождения и семейных драм (Нежданов незаконнорожденный, а отца Марианны арестовали), но из-за неспособности к основательному преемственному труду. В стремлении к просвещению народа и революции народники ожидают решительных перемен, но Тургенев показывает постепенность продвижения страны вперед, истинные герои которой – простые незаметные труженики. Не случайно Тургенев отдает Марианну Соломину – единственному сыну дьячка, у которого было пять сестер – все замужем за попами и за дьяконами: только эта среда сможет исправить «вывихнутую» героиню.

Как мы уже упоминали выше, с художественными мирами романов Тургенева отчасти рифмуется «Рассказ отца Алексея». Его комментаторы в полном собрании сочинений Тургенева считают, что писатель отошел от «актуальной проблематики своего последнего романа о народниках» и «создал рассказ, тематически примыкающий к опубликованному в начале 1877 г. “Сну” и другим его так называемым таинственным повестям и рассказам 1860–1870-х годов» [Тургенев, 1878–2018, т. 9, с. 468]. По нашему мнению, Тургенев в данном случае не отходил от проблематики своих романов, наоборот, в «Рассказе отца Алексея» наиболее ярко и открыто ставится идея преемственности и нарушения человеком родового предназначения, отступления от праведного пути. Вот что говорит в рассказе отец Алексей, когда узнает, что его сын Яков решил идти по светской стезе и оставить стремление к духовному званию по причине возродившихся в нем сомнений: «...Опечалился я гораздо от этого письма – словно рогатиной мне против сердца толкнуло – потому, вижу: *не будет мне на моем месте преемника!* Старший сын – монах; а этот вовсе из своего звания выступить желает. Горько мне еще потому: в нашем приходе близко двухсот годов всё из нашей семьи священники живали!» (Курсив мой. – В. А.) [Тургенев, 1878–2018, т. 9, с. 123]. В таинственных повестях Тургенева находится место фантастическим героям и происшествиям, а в «Рассказе отца Алексея» мы видим вполне реальные события, но оцененные с позиции религиозного сознания героев. В

художественном мире рассказа важно, что сам Яков сознает беду, в которой он оказался, но при этом безвозвратно предает свою душу.

Комментаторы рассказа подчеркивают, что писатель знал попа Алексея – священника в приходе тургеневского имения, а также отмечают появление этой фигуры в произведениях писателя: «Отец Алексей, сочувственно относившийся к больной Лукерье и принесший ей календарь “для рассеянности”, фигурировал и в “Живых мощах”... В черновом автографе “Нови” встречается следующая запись: “Nota bene: слова попа Алексея “пред человечеством”, то есть в присутствии людей”» [Тургенев, 1878–2018, т. 9, с. 468–469]. Образ отца Алексея есть и в романе «Отцы и дети», причем описание батюшки в романе и рассказе очень схожи. Отец Базарова, который был не менее набожным, нежели его верующая супруга, желает заказать молебен и аккуратно сообщает об этом сыну-нигилисту, даже несколько напоказ выставляя человеческие пристрастия отца Алексея, чтобы показать Евгению его простоту и отсутствие строгости и рьяности в служении: «А отцу Алексею очень хотелось с тобой познакомиться. Он тебе понравится, ты увидишь. Он и в карточки не прочь поиграть, и даже... но это между нами... трубочку курит» [Тургенев, 1878–2018, т. 7, с. 124]. О пристрастии к карточной игре отца Алексея упоминает также повествователь в рассказе: «Я занемог и пролежал несколько дней; отец Алексей ходил ко мне по вечерам – не беседовать, а играть в дурачки. Игра в карты, казалось, развлекала его еще больше, чем меня» [Тургенев, 1878–2018, т. 9, с. 121].

Отец Алексей появляется еще раз в романе «Отцы и дети» в сцене соборования Базарова: «Базарову уже не суждено было просыпаться. К вечеру он впал в совершенное беспамятство, а на следующий день умер. Отец Алексей совершил над ним обряды религии. Когда его соборовали, когда святое миро коснулось его груди, один глаз его раскрылся, и, казалось, при виде священника в облачении, дымящегося кадила, свеч перед образом что-то похожее на содрагание ужаса мгновенно отразилось на помертвелом лице» [Тургенев, 1878–2018, т. 7, с. 183–184]. Причем данная сцена в романе очень близка с описанием последних часов Якова в «Рассказе отца Алексея»: «А как слег Яков, сейчас в беспамятство впал, и так, без покаяния, как бессмысленный червь, отошел от сей жизни в вечную...» [Тургенев, 1878–2018, т. 9, с. 131]. После прочтения «Рассказа отца Алексея» читателю становится понятным и предсмертное содрагание от ужаса не покаявшегося Базарова – художественное творчество писателя, как мы видим, выходит далеко за социально-политические проблемы.

В романах Тургенева, в связи с их светским характером, колоритными образами героев, претендующих на рыцарей определенного времени или «новых людей», истинные причины отступления персонажей от своего пути затушеваны. «Рассказ отца Алексея» стал своеобразным «послесловием» к романам Тургенева, объясняющим читателям причины драм и трагедий героев – отступников от веры и той родовой цели, которая предначертана человеку рождением в семье и в определенной стране – православной России.

Комментаторы «Рассказа отца Алексея» отмечают тот факт, что в «Вестнике Европы» он мог появиться параллельно или вместе с «Иродиадой»

– переводом Тургенева повести Флобера, и Тургенев настаивал на отдельной публикации произведений – не в одном выпуске журнала и непременно так, чтобы «Рассказ отца Алексея» был опубликован ранее. Об этом Тургенев писал Стасюлевичу 29 марта (10 апреля) 1877 г.: «...Я Вам скажу, почему я Вам высылаю эту штуку за три дня до “Иродиады”; я бы желал, чтобы эти две вещи не были помещены рядом <...> “Отец Алексей” очень бы проиграл от непосредственного соседства. Вы его поместите в начале книжки, а “Иродиаду” в середине и поставьте под именем г. Флобер (переведено И. Тургеневым)» [Тургенев, 1878–2018, т. 9, с. 470]. Между тем, исследователями не пояснена воля Тургенева по поводу публикации его рассказа, а ее понимание чрезвычайно важно для осмысления эпического замысла писателя.

Тургенев работал над «Рассказом отца Алексея» параллельно с двумя переводами легенд Флобера, в то самое время, когда после публикации «Нови» стал узнавать первые отклики о романе. Мнения критиков и читателей, по всей видимости, показали Тургеневу, что глубинные основы его финального романа, как и всего романного творчества, до конца не поняты. В этой ситуации «Рассказ отца Алексея» непременно должен был выйти вслед за «Новью». Как мы уже отметили, он идейно рифмовался не только с последним, но и со всеми романами Тургенева, как бы добавлял к «роману о народниках» рассуждения о преемственности, представленные с позиции религиозного сознания, которые в «Нови» может заметить лишь очень внимательный читатель. К примеру, Соломин (как забыть, что он родом из семьи священника) в разговоре с Марианной о Маркелове и грядущих переворотах или революции, которую так предвкушали народники, говорит о *духовных глазах*: «Глазами мы этого не увидим; вот этими, живыми глазами. Ну – духовными... Это другое дело» [Тургенев, 1878–2018, т. 9, с. 332]. Именно поэтому Тургенев так не хотел, чтобы по времени между «Новью» и «Рассказом отца Алексея» оказался его перевод легенды Флобера, в которой к тому же мотив преемственности реализован совершенно в другом ключе (в одной из сцен коварная Иродиада, в жилах которой то и дело закипает кровь ее царственных предков, меряется степенью знатности с тетрархом Иродом).

Заключение

Таким образом, именно идея преемственности является ключевой в романном творчестве Тургенева в плане организации эпической доминанты его романов, она выводит рассуждения писателя к народной теме, проблеме сохранения традиционных культурных ценностей русского православного мира. Несмотря на лаконичность художественных миров Тургенева, внешнюю однолинейность сюжета его романов, они имеют тенденцию к укрупнению и объединению, смысловым переключкам. Помимо преемственности немаловажную роль в организации эпической доминанты жанра у Тургенева имеет ритм произведения, идея цикличности жизни, продуманная система героев, между которыми существуют многочисленные притяжения и отталкивания, а также повышенная цитатность финалов романов. Все романы

Тургенева выстраиваются в своеобразный ряд, тяготеют к единому целому, они выросли из уничтоженного Тургеневым первого романа «Два поколения», а своеобразным послесловием ко всем романам писателя можно считать «Рассказ отца Алексея», утверждающий идею преемственности и ее значимость.

Список источников

- Айхенвальд Ю.И. Силуэты русских писателей. Вып. 2. М.: Научное слово, 1908. 166 с.
- Андреева В.Г. «Взволнованные улитки». Радикализм и аполитизм в романе И.С. Тургенева «Дым» // Два века русской классики. 2020. Т. 2, № 4. С. 228–249. DOI <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-4-228-249>
- Батюто А.И. Тургенев-романист. Л.: Наука, 1972. 390 с.
- Беляева И.А. Скрещении двух поэтических цитат: о финале «Дворянского гнезда» и к вопросу о Тургеневе и Данте // История и современность филологических наук. М.: Книгодел, 2021. С. 50–57.
- Богданов Б.В. Роман «Два поколения» (Попытка реконструкции содержания) // Спасский вестн. 1992. № 1. С. 16–25.
- Бялый Г.А. Русский реализм. От Тургенева к Чехову. Л.: Сов. писатель, 1990. 640 с.
- Гутьяр Н.М. Иван Сергеевич Тургенев. Биография. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1907. 400 с.
- Доманский В.А., Кафанова О.Б. И.С. Тургенев – русский европеец: взгляд из России и Франции // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2019. № 6(203). С. 7–19.
- Коньшев Е.М. Герои Тургенева в поисках веры («Накануне») // Спасский вестн. 2009. № 17. С. 18–22.
- Лебедев Ю.В. Жизнь Тургенева. М.: Центрполиграф, 2006. 607 с.
- Мазон А. Работа Тургенева над романом «Два поколения» // Литературное наследство. М.: ИМЛИ РАН, 1964. Т. 73, № 1. С. 39–44.
- Маркович В.М. И.С. Тургенев и русский реалистический роман XIX века. Л.: Ленинградский университет, 1982. 208 с.
- Николаенко Н.В. Тема поколения в творчестве И.С. Тургенева: мотив «вывихнутости» // Вестн. Воронежского гос. ун-та. Серия: Филология. Журналистика. 2009. № 2. С. 76–79.
- Никольский С.А. Мировоззрение русского земледельца в романной прозе И.С. Тургенева // Вопросы философии. 2008. № 5. С. 87–103.
- Разумова Е.Н. «Дворянское гнездо» и парижское «гнездышко» // Вестн. Томского государственного педагогического университета. 2010. № 8(98). С. 53–56.
- Ребель Г.М. Тургенев в русской культуре. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 376 с.
- Семухина И.А. Еще раз о «классическом» тургеневском романе: к проблеме поэтики и типологии жанра // Уральский филологический вестн. 2013. № 1. С. 61–71.
- Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1978–2018.

References

- Aikhenvald Iu.I. (1908). *Silhouettes of Russian writers. Issue 2*. Moscow, Nauchnoe slovo. 166 p. (In Russian).
- Andreeva V.G. (2020). "Excited Snails". Radicalism and apoliticalism in the novel "Smoke" by Ivan Turgenev]. *Two centuries of the Russian classics*, vol. 2, no. 4, pp. 228–249. DOI <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-4-228-249> (In Russian).

Batiuto A.I. (1972). *Turgenev the novelist*. Leningrad, Nauka, 1972. 390 p. (In Russian).

Beliaeva I.A. (2021). Crossing of two poetic quotations: about the finale of “The Nest of Nobles” and the question of Turgenev and Dante. *History and modernity of philological sciences*. Moscow, Knigodel, 2021, pp. 50–57. (In Russian).

Bogdanov B.V. (1992). Novel “Two Generations” (An Attempt to Reconstruct the Content). *Spassky Bulletin*, no. 1, pp. 16–25. (In Russian).

Bialyi G.A. (1990). *Russian realism. From Turgenev to Chekhov*. Leningrad, Sovetsky pisatel, 1990. 640 p. (In Russian).

Gutyar N.M. (1907) *Ivan Sergeevich Turgenev. Biography*. Yuriev, Tipografia Mattise-na, 1907. 400 p. (In Russian).

Domansky V.A., Kafanova O.B. (2019). Turgenev is a Russian European: a view from Russia and France. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, no. 6(203), pp. 7-19. (In Russian).

Konyshev E.M. (2009). “Heroes of Turgenev in search of faith (‘On the Eve’)”. *Spassky Bulletin*, no. 17, pp. 18-22. (In Russian).

Lebedev Iu.V. (2006). *Life of Turgenev*. Moscow, 2006. 607 p. (In Russian).

Mazon A. (1964). Turgenev’s work on the novel “Two Generations”. *Literary Heritage*. Moscow, vol. 73, no. 1, pp. 39-44. (In Russian).

Markovich V.M. (1982). *I.S. Turgenev and the Russian realistic novel of the 19th century*. Leningrad, 1982. 208 p. (In Russian).

Nikolaenko N.V. (2009). The theme of generation in the work of I.S. Turgenev: the motive of “dislocation”. *Bulletin of VSU. Series: Philology. Journalism*, no. 2, pp. 76-79. (In Russian).

Nikolsky S.A. (2008). The worldview of the Russian farmer in the novel prose of I.S. Turgenev. *Questions of Philosophy*, no. 5, pp. 87–103. (In Russian).

Razumova E.N. (2010). “Noble nest” and the Parisian “nest”. *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, no. 8(98), pp. 53-56. (In Russian).

Rebel G.M. (2018). *Turgenev in Russian culture*. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoria. 376 p. (In Russian).

Semukhina I.A. (2013). Once again about the “classic” Turgenev’s novel: on the problem of poetics and genre typology, *Ural Journal of Philology*, no. 1, pp. 61-71. (In Russian).

Turgenev I.S. (1978–2018). *Complete collection of works and letters: in 30 volumes*. Moscow, Nauka. (In Russian).

Сведения об авторе

Андреева Валерия Геннадьевна, докт. филол. наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького, lanfra87@mail.ru
ORCID <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

Information about the Author

Valeria G. Andreeva – grand Ph.D. of Philology, Leading Researcher A.M. Gorky institute of World Literature, lanfra87@mail.ru
ORCID <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

Статья поступила в редакцию 11.08.2022; одобрена после рецензирования 29.09.2022; принята к публикации 29.09.2022.

The article was submitted 11.08.2022; approved after reviewing 29.09.2022; accepted for publication 29.09.2022.